

ОСОБЕННОСТИ РУССКО-НЕМЕЦКОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНФРОНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СТИЛЕЙ

© 2004 Л.В.Куликова

Красноярский государственный педагогический университет

«Между русскими и немцами возможно всякое,
кроме равнодушия»
(Булыгин П. 1968; цит. по Löwe 1999).

Для современного фона взаимоотношений русских и немцев характерна интенсификация контактов на политическом, общественном, экономическом и образовательном уровнях. Эффективность этих контактов находится, однако, как свидетельствуют многочисленные примеры, в отрицательной корреляции к интенсивности. Это в меньшей степени затрагивает сферу официального общения государственного уровня, регулируемого нормами международных стандартов, особого протокола и этикета. Межкультурные недоразумения и конфликты возникают чаще всего в ситуациях производственного сотрудничества, переговоров между представителями бизнеса, взаимодействия по линии образовательных программ.

Часто проблемы непонимания сопровождают также контакты между русскими и немцами на уровне повседневного межличностного общения. При этом речь идёт не только и даже не столько о знании иностранного языка. В большинстве случаев неудачи происходят из-за того, что участники коммуникативного акта выстраивают своё поведение в соответствии с нормами и правилами национального коммуникативного стиля, сформировавшегося в результате процессов инкультурации* в рамках собственного лингвокультурного окружения. Кроме того, во внимание мало принимается разница в видении мира, в подходах к организации дела, в культурно обусловленных коммуникативных стратегиях и тактиках.

Оценивание взаимных коммуникативных неудач происходит часто только на эмоциональном уровне и не основывается на объективном

анализе происходящего, на знании и понимании культурных различий, которые детерминируют национальные коммуникативные стили и, соответственно, дискурсивное поведение представителей двух культур в ситуациях межкультурного общения. В рамках нашего подхода национальный коммуникативный стиль отражает существующие в культуре предпочтения по выбору вербальных, невербальных и паравербальных средств в организации внутрикультурного или межкультурного общения.

В соответствии с параметрической моделью Г.Хофстеде, Германия и Россия имеют разные позиции по всем культурным измерениям. Немецкая культура характеризуется как индивидуалистская, с доминирующей маскулинностью, малой дистанцией власти и относительно невысокой терпимостью к неопределённости. В русской культуре на фоне немецкой традиционно сильны коллективистские тенденции, большая дистанция власти, преобладают феминистские ценности. Порог терпимости к неопределённости по индексу мало отличается в обеих культурах, но имеет в реальности разные формы выраженности и свою специфику в проявлении.

Данные типизированные особенности двух культур можно рассматривать как основу для их сравнения.

Как носители индивидуалистских и коллективистских ценностных представлений, немцы и русские по-разному ведут себя, сотрудничая в тех или иных структурах. Как правило, немецкие коллеги предпочитают дискуссионность общения, допуская конфликтную тематику, стратегии конфронтации по отношению к мнению других, критический подход к выработке решений. Характерно для них чёткое разграничение проблемы и личности, что часто идентифицируется в русской среде, для которой смещение межличностных отношений и служебных ситуаций не редкость. Эффективность для немецких коллег заключается преимущественно в

* Инкультурация понимается как вхождение индивида в конкретную лингвокультуру, в результате чего формируется его языковая, когнитивная, эмоциональная и поведенческая идентичность с членами данной культуры и отличие от членов других лингвокультур (см. подробнее Херсковец 1955, Белик 1998, Стефаненко 2000, и др.).

правильности, полезности и качества принятого решения, а не в соблюдении статусной иерархии и обеспечении бесконфликтности общения, что часто встречается в русской коммуникации.

Одна из ярких особенностей коммуникации в системе русской культуры - существенная разница в стиле общения со “своими” и “чужими”. Разделение на “своих” и “чужих” имеет здесь, как отмечает Ю. Рот, функцию поддержания групповой идентичности (Rot 1998). При этом, граница между “ингруппой” и “аутгруппой” поддерживается переключением регистра коммуникации. Русские всегда общаются с иностранцами по-другому, чем с членами своих групп. Это выражается, например, в чрезмерной опеке иностранных гостей, особой предупредительности к ним и подчеркнутым выделением их во всём. Подобное поведение часто воспринимается представителями других, особенно западных культур, как излишняя навязчивость, покушение на их самостоятельность и автономию.

Русским трудно представить себе, что в других культурах, в том числе в немецкой, нормой считается соблюдение равнозначности партнёра по коммуникации, независимо от того, иностранец он или нет.

В отличие от русских, индивидуалистически ориентированные немцы не делают больших различий между отношениями внутри группы и вне группы. Они могут одновременно являться членами разных групп, границы между которыми, в вербальном и невербальном выражении, жёстко не обозначены, легко рушатся и вновь воссоздаются. Однако в немецкой культуре идентификация с группой и зависимость от неё намного меньше, чем в коллективистской русской культуре. Эмоционально индивидуалисты обособлены от окружающих и имеют склонность к уединению. Это позволяет им чувствовать себя комфортно в любом окружении или в одиночестве.

Поскольку немцы ощущают себя прежде всего как индивидуумы, а лишь затем как члены какой-либо группы, в немецкой культурной традиции высоко ценится зона личной автономии. Это проявляется как на уровне вербальных, так и невербальных сигналов. В частности, немецкое речевое общение отмечено рядом коммуникативных табу, речевого и тематического характера [см. 16, 11], “охраняющих” границы индивидуального “пространства” личности. Опрос, проведённый нами среди немецких респондентов, позволяет в самом общем виде получить представление о ряде тем в современном общественном дискурсе Германии, маркированных

той или иной степенью табуированности. Почти все опрошенные* выделили такие темы, как “смерть”, “болезни”, “доходы”, “нацизм”, “враждебность к иностранцам”, “еврейский вопрос”, “интимные вопросы”, “личностные оскорбления” в качестве основных, не принятых к обсуждению между собеседниками. Отдельно респондентами-мужчинами были названы тематические группы, исключаемые из ситуаций общения в присутствии женщин, а именно: темы, связанные с сексом и порнографией, предыдущий любовный опыт, мужские слабости и чувства, финансовые проблемы, непристойные слова и выражения.

Зона личной автономии в немецкой культуре выражается также в невысокой, по сравнению с русской, степени контактности. Как правило, немцы ведут себя замкнуто, дистанцированно по отношению к незнакомым людям и очень редко сами проявляют инициативу в сближении с иностранцами. Создаётся впечатление, что они абсолютно не заинтересованы в знакомствах. Кроме того, явно выраженная активность иностранного партнёра, проявляемая при знакомстве, может расцениваться ими как назойливость или излишняя навязчивость.

Степень первоначальной сдержанности немцев в межличностных отношениях значительно обусловлена нормой разграничения личной и профессиональной сфер. На рабочем месте действуют достаточно жёсткие правила формальных отношений и официального тона, доминирует Вы-обращение, приватные дела обсуждаются очень редко и неохотно. Стиль и тон общения резко меняются в ситуациях неофициального взаимодействия, например, на вечеринках, праздниках, во время совместных путешествий и т.д. [7, 34]. В этой связи А. Моосмюллер замечает: “...При публичном обмене мнениями немцы тяготеют к формальному, обезличенному поведению. Когда немецкая предметная дискуссия ведётся на публике, эмоций стараются избегать, но она сильно заряжена эмоциями, когда имеет место в личном общении... В частном общении немцы склонны быть максимально открытыми и проникать в самые глубинные пласты личности партнёра” [8, 201].

В материалах межкультурных тренингов иностранцам часто рекомендуется знакомиться и устанавливать более тесные контакты с представителями немецких деловых кругов на разного рода неформальных встречах и развлекательных мероприятиях. Здесь, однако, тоже может

* Респондентами являлись студенты и преподаватели Мюнхенского университета им. Л. Максимилиана, всего 65 человек. Опрос проводился в 2003 г.

скрываться межкультурный конфликт, на “удочку” которого нередко попадают русские. Приведём пример подобного эпизода из опыта общения русских предпринимателей с их немецкими коллегами.

Стажировавшиеся в Германии представители русского бизнеса были приглашены немецкими партнёрами на небольшую вечеринку с традиционным фуршетом. Атмосфера party “без галстуков” была очень благожелательная и раскованная. На следующее утро при встрече с шефом немецкой фирмы в бюро, русские, поздоровавшись с ним по имени и фамильярно похлопав его по плечу, с недоумением “наткнулись” на холодный взгляд и явную дистанционность отношений. Перенеся настроение неофициальности вчерашнего вечера на уровень делового общения, представители русской культуры явно не учли разницу норм поведения в немецкой культуре в зависимости от формального или неформального коммуникативного контекста.

В русской культуре, где ценятся общение и солидарность, зона приватности выражена не так ярко, как в немецкой. Сближение собеседников возможно до более близкого расстояния, намного чаще допускается “вторжение” в чужое личное пространство [16; 11]. Это проявляется в коммуникативной активности русских, лёгкости установления контакта с незнакомыми людьми, открытости, способности открыть душу незнакомому человеку. С этими коллективистскими качествами русских коммуникантов связан феномен “кухонного общения” в русской культуре, а также особый тип “вагонного общения” [см. 11, 214; 17, 435].

Наряду с параметром “индивидуализм/коллективизм”, процесс межкультурного взаимодействия опосредован двумя следующими измерениями: “дистанция власти” и “терпимость к неопределённости”.

Степень расхождения русской и немецкой культур в отношении иерархического устройства общества и восприятия в нём неравенства очень существенна. Это прежде всего отражается в управленческом стиле, способе организации деятельности, а также в поведении подчинённых.

Попробуем обозначить возможные случаи непонимания между сотрудниками немецко-русских совместных предприятий, спровоцированные разницей дистанции власти в двух культурах. Немецкий руководитель ожидает, согласно принятым в его культуре нормам, индивидуальной ответственности и инициативы в решении проблем от русских подчинённых. Те, в свою очередь, настроены только на распоряжения и указания начальника, в соответствии с

большой статусной дистанцией, типичной для производственных отношений в русской культуре. И наоборот. Немецкие работники воспринимают традиционного русского руководителя слишком авторитарным и некомпетентным. В то же время, он расценивает их как недостаточно почтительных, слишком самостоятельных и даже как неуправляемых. Таким образом, взаимные ожидания и реальность не совпадают.

Скорость и продуктивность принятия решений в ситуациях русско-немецкого сотрудничества также зависят от дистанции власти и статусной иерархии, принятой в России и Германии. Полномочиями по принятию решений с русской стороны наделены обычно только представители, занимающие высокие должности в своих организациях, и чаще всего это высшие управленцы. С немецкой стороны участвовать в выработке и принятии решений могут компетентные специалисты даже среднего звена. Причиной скрытого или явного конфликта в подобных случаях является разница в статусах, которая вызывает у русских партнёров нежелание общаться с “нижестоящими” немецкими коллегами, а у немецких - недоумение по поводу бюрократических проблем русских.

Однако, несмотря на то, что неравенство и иерархия в немецком обществе существенны для его формальной организации, отношение к авторитетам имеет здесь свои устоявшиеся традиции. Нормы общения студентов с преподавателями, работников с начальством носят уважительно-вежливый, сдержанный характер. К вышестоящим принято обращение по фамилии в сочетании с имеющимся титулом [7, 78].

В связи с вышесказанным интерес представляют исследования зарубежных авторов [см. 1; 10], рассматривающих эту проблему с точки зрения этического подхода. М. Клайн и А. Вежбицкая отмечают, что в последние десятилетия в немецких речевых стратегиях и, возможно, в лежащих в их основе культурных ценностях, произошли изменения. Речь идёт о заметном расширении сферы употребления “фамильярной” формы обращения (du вместо Sie), а также о более редком использовании титулов (например, Herr Müller вместо Prof. Müller), что свидетельствует о значительных изменениях в межличностных отношениях в направлении большего равноправия и отказа от формальностей.

Полемизируя с М.Клайном, который связывает изменения в правилах выбора между du и Sie, особенно среди молодого поколения, с антиавторитарным переворотом, А.Вежбицкая указывает на отсутствие непосредственной семантической связи между этими двумя явлениями: “...в форме Sie нет ничего собственно

авторитарного. Обращаясь к одним, употребляя местоимение Sie, а к другим – du, говорящий проводит различие между двумя типами межличностных отношений; грубо говоря, с одной стороны, между отношениями с теми, с кем он хочет общаться как с людьми, которых он хорошо знает или как с равными ему, и, с другой стороны, с теми, с кем он не хочет общаться таким образом. Используя при обращении Sie, говорящий совсем не обязательно хочет показать, что он расценивает собеседника как обладателя власти” [10, 165].

Продолжая далее эту мысль А. Вежбицкая подчёркивает, что вряд ли более редкое использование титулов само по себе свидетельствует об уменьшении числа сторонников авторитаризма. По её мнению, титулы лишь определяют разницу в социальном положении, и тенденция к сужению их употребления в Германии отражает скорее распространение эгалитарных, чем антиавторитарных взглядов. “В одних странах люди могут ценить неравенство и статусные различия, не желая при этом подчинять свою волю воле тех, кого они считают занимающими более высокое положение; в других – люди могут быть готовы подчинять свою волю воле тех, кого они считают представителями “законной власти”, не рассматривая их как находящихся выше по своему социальному положению” [там же, 166].

В Германии, где дистанция власти намного меньше, чем в России, одним из главных принципов жизни является уважение правового порядка. Закон для немцев имеет абсолютный смысл. Здесь нет законов “существенных” и “несущественных”. Все законы существенны и важны, все они должны неукоснительно исполняться. И этот вопрос не подлежит обсуждению [2].

С этим связана высокая регулятивность немецкой культуры. Кажется, что в Германии нет ни одного кусочка действительности, для которого бы не существовало какое-либо правило или ограничение. Все сферы жизни строго регламентированы. Определённое время отводится работам на улице, например, уборке опавшей в частном саду листвы или снега. Шумные работы в квартирах также регулируются строго по времени [см. 7, 68]. Внешнему наблюдателю кажется, что в Германии законы и правила ценятся выше, чем человек, для которого они собственно и издаются.

В русской действительности мы встречаемся, как правило, с обратным явлением. Любая директива может модифицироваться, преломляться под человеческий фактор. Вспомним извест-

ную русскую поговорку: “Закон, что дышло; куда повернул, туда и вышло“ („Das Gesetz ist wie eine Deichsel: wohin man es dreht, dahin weist es“). В Германии нарушения любого рода очень негативно воспринимаются и критикуются окружающими. Поведение немцев, определяемое с точки зрения русской нормативной системы как “наушничанье” или “подглядывание”, считается вполне приемлемым в немецкой культуре как поддерживающее дисциплину и порядок.

Первое, что часто бросается в глаза любому иностранцу в Германии – это большое количество всевозможных запретительных предписаний. Иногда, как замечает М. Горский [3, 102], слово “запрещено” является первым немецким словом, которое выучивает иностранец. Кроме того, “Verboten”, по его мнению может возводиться в степень, переходя в “Streng verboten” (строго запрещено). А. Вежбицкая [10, 186], анализируя немецкие речевые стратегии, отражающие ценностные установки немецкой культуры, обращает внимание на широкое использование в объявлениях наряду с “verboten”, выражения “nicht gestattet” (“не разрешается”). Обилие подобных общественных знаков указывает, с её точки зрения, прежде всего на постоянно испытываемую немцами потребность в Ordnung (там же, 170). “Везде должен быть порядок” (Alles muss in Ordnung sein!) – принцип, имеющий большую актуальность в немецкой культуре.

В сегодняшней Германии наряду с привычными и прямолинейными требованиями (Durchgang verboten!; Der Zutritt durch nicht berechtigte Personen ist nicht gestattet!) встречаются объявления, стилизованные под форму современного молодёжного языка, имплицитно тем не менее стремящиеся к традиционному немецкому порядку. Приведём пример такого объявления, замеченного нами на стенке примерочной кабины в одном из немецких магазинов: „Hey Leute! Es wäre voll cool, wenn Ihr unsere Klamotten wieder „einigermaßen“ *ordentlich* herausgibt. Das fänden wir echt geil!“

Строгое следование правилам и инструкциям связано со стремлением немцев исключить, по возможности, все непредвиденные случаи развития событий, ошибочные решения и тем самым свести до минимума фактор риска. Любая неясность и неизвестность неприемлема для немцев. Неожиданные, незапланированные ситуации вызывают обычно у представителей немецкой культуры раздражение и даже стрессовые состояния. В этом плане их степень тревожности намного выше, чем у представителей русской культуры. Однако, сравнивая в общем *терпимость к неопределённости русских и немцев*, отметим, что согласно количественному

исследованию Хофстеде, индексные показатели по этому параметру в двух культурах расходятся незначительно.

С одной стороны, данное совпадение является несколько неожиданным и даже может вызвать удивление, поскольку поведение тех и других в реальной жизни нельзя назвать одинаковым. Более того, проблемы в общении возникают как раз на основе разных поведенческих стратегий русских и немцев, разных подходов к подготовке и организации совместных действий. С другой стороны, принимая во внимание наличие в русской культуре, достаточно большого количества формальных и неформальных правил, бюрократических структур, традиций, суеверий, выступающих как своего рода руководство к действию, можно найти объяснение статистическим выводам Хофстеде.

Другое дело, что представители русской и немецкой культур не одинаково относятся к соблюдению имеющихся законов, предписаний и запретов. Если в Германии неукоснительное исполнение закона – дело само собой разумеющееся, отвечающее ценностным представлениям общества [7, 68], то в России отношение к директивам скорее личностно-прагматическое. При любой возможности “неудобные” закон или правило интерпретируются в пользу конкретной ситуации или личности. Кроме того, концептуальный подход в рамках нашей работы позволяет объяснить противоречие между экспериментальными данными по измерению “терпимость к неопределённости” и реальным поведением коммуникантов из двух культур. Поскольку культурные параметры существуют не изолированно друг от друга, а в сложной функциональной взаимозависимости, очевидно, что коммуникативное поведение русских и немцев обусловлено целым комплексом свойств культур. Это значит, что “сцепление” всех аспектов культурной вариативности придаёт каждому из них определённое своеобразие и специфику реализации.

В связи с предложенным выше анализом особенностей русско-немецкого взаимодействия по трём параметрам Хофстеде интерес представляют взаимные наблюдения русских и немецких партнёров, касающиеся делового общения [см. 9]:

Русские о немецком деловом мире и немцах:

- господство планов и расписаний, недостаток гибкости при их вынужденном изменении;
- отсутствие почтения к начальству;
- обязательность участия каждого в обмене мнениями при переговорах и обсуждениях;
- дистанцированность в деловом общении;
- недоступность в нерабочее время;

- соблюдение планов считается более существенным, чем поддержание человеческих взаимоотношений;
- ценят рабочую дисциплину превыше всего;
- не воспринимают предупредительность и помощь;
- не соответствуют нашим представлениям о гостеприимстве;
- предпочитают быть постоянно информированными, вместо того, чтобы самим добывать информацию;
- отдают приоритет письменным предписаниям.

Немцы о русском деловом мире и русских:

- недостаточная готовность к самоинициативе и риску;
- замкнутость групп и недоступность членов этих групп для внешнего окружения;
- отсутствие высказываний, выражающих расхождение мнений, в обсуждениях и переговорах;
- почтительное отношение к начальству, даже при его профессиональной некомпетентности;
- активное участие в обсуждениях и переговорах только небольшой части коллектива при традиционно пассивном соучастии остальных;
- компетентность партнёров не всегда оценивается по их профессиональным способностям;
- отсутствие, как правило, ответственных или виновных за принятое решение;
- решение личных проблем во время рабочего времени (на рабочем месте) как норма;
- распространение влияния и власти вышестоящих на личное время нижестоящих;
- чрезмерное курирование зарубежных (немецких) партнёров или наоборот предоставление их самим себе;
- игнорирование плановых обязательств или повестки встреч;
- любопытствующее вмешательство в сферу личной жизни зарубежных партнёров;
- частые празднества и застолья (“распития”), принуждение к выпивке и тостам.

Завершая обзор русско-немецкого контекста взаимоотношений по измерениям Хофстеде, остановимся кратко на моментах сходства и различия двух культур по параметру “маскулинность/фемининность”.

Как уже отмечалось выше, в немецкой культуре доминируют маскулинные, в русской – фемининные черты.

Немецкий индивидуализм и преобладание мужского начала в культуре - логично дополняющие друг друга, взаимосвязанные качества. Подобное сочетание ценностных установок немецкого общества обуславливает, прежде всего, стремление его членов к независимости и лидерству, настрой на конкуренцию. Нельзя сказать, что в русской культуре совсем отсутствует настрой на состязательность, но присущие ей коллективистские ценности и особый дух соборности определяют приоритетность человеческих взаимоотношений и высокую значимость сотрудничества в любой деятельности.

Что касается степени ролевой дифференциации полов, различающейся в культурах маскулинного и фемининного плана, то публикации по этому вопросу подтверждают, скорее, схожесть ситуаций в русской и немецкой культурах [см. 11, 238; 376; 7, 128]. Как в России, так и в Германии традиционно сильно чёткое распределение социальных обязанностей между мужчинами и женщинами.

Однако, понятия о мужественности и женственности, о разнице между полами имеют свои особенности в сравниваемых культурах. Так, являющиеся нормой русской культуры подчёркивание слабости и особого статуса женщины не типичны и даже оскорбительны в контексте немецкой. Преобладающие в ней мужские ценности накладывают определённый отпечаток на поведение как мужчин, так и женщин.

Не принято, без высказанной женщиной просьбы, помогать ей нести чемодан или сумку, поскольку это может показаться намёком на неравенство между мужским и женским полом. Нарушением "симметрии во взаимоотношениях" с негативными последствиями может обернуться традиционное для русского мира одаривание цветами коллег – женщин, например, к какому-либо празднику. Немки, в отличие от русских женщин, чаще посещают без сопровождения мужчин кафе и рестораны, не вызывая при этом "шлейфа" отрицательных ассоциаций. Как правило, равноправие между мужчинами и женщинами подчёркивается также тем, что каждый в Германии платит сам за себя. Комментируя подобные ситуации в немецкой культуре с точки зрения "своей колокольни", русские перифразируют название известного немецкого романа "Jeder zahlt für sich allein".

Частым источником непонимания в контактах между представителями русской и немецкой культур является культурно детерминированная темпоральная парадигма, в соответствии с которой партнёры по коммуникации по-разному проявляют себя в совместных действиях. Времени как организационному и коммуникатив-

ному фактору придаётся чрезвычайно большое значение в немецкой культуре. Не будет преувеличением сказать, что концепт, заключённый в немецком слове „Zeit“, реализуемый в понятиях „Pünktlichkeit“, „Planung“, „Terminkalender“, „Organisation“ относится к ключевым элементам национальной культуры. Некоторые примеры немецкого отношения ко времени, к предварительному планированию и диапазону ожидания приводятся в параграфе, посвящённом "культурной грамматике" Э. Холла.

Для большинства русских время не является жёсткой максимой (принципом) их жизни. Поэтому отношение к нему чаще всего можно назвать легкомысленным, что находит отражение во всякого рода опозданиях, переносах мероприятий, изменениях повестки дня заседаний, несоблюдении графиков автобусов, поездов и т.д. Размытость и растяжимость отношения ко времени в русской парадигме проявляется также на вербальном уровне, что часто бросается в глаза иностранцам. Русский язык позволяет выразить договорённость, например о встрече, достаточно неопределённо, причём без эксплицитных маркеров, типа: *примерно, приблизительно, около*. Простое изменение порядка слов в словосочетании "в семь часов" на "часов в семь" вполне может служить коммуникативной помехой, особенно для немецкой точности. Русский не видит проблемы в том, что он лишь накануне предупреждает своего делового партнёра о предстоящем визите, а для немецкого коллеги, у которого всё распланировано заранее, это просто неприемлемо.

Пунктуальность немцев, с одной стороны, относится к известным стереотипам о них, с другой, многократно подтверждается самой жизнью. Соблюдение пунктуальности рассматривается ими, о чём свидетельствуют ситуации сотрудничества с представителями немецкой культуры, как гарантия надёжности. Более того, как общество с низкой степенью терпимости к неопределённости, стремящееся максимально обезопасить своё будущее, предотвратить возможные проблемы, оно воспринимает пунктуальность и долгосрочное планирование в качестве способов противодействия непредсказуемости. В оценке немцев неумение планировать своё время и свою деятельность граничит с отсутствием профессионализма, безответственностью и некомпетентностью. В свою очередь, гиперчувствительное отношение ко времени в немецкой культуре не отвечает русским представлениям о его эффективном использовании. Например, запланированные на определённую длительность семинар или совещание, заканчиваются строго согласно регламенту, несмотря на

то, что, с точки зрения русских, обсуждаемые вопросы были искусственно “растянуты” и не требовали такого количества времени. Такой подход вызывает неудовольствие теперь уже у русских.

Доминирующей темпоральной тенденцией немецкой культуры считается её монохронный характер. Явная склонность представителей немецкой культуры к планированию, соблюдению договорённостей, сосредоточенность на выполнении одного дела в определённый промежуток времени являются проявлениями монохронности.

Безусловно, в каждом обществе, как отмечалось выше, присутствуют элементы как монохронного, так и полихронного времени. В соответствии с концептуальным положением нашей работы об относительности специфических свойств любой культуры и “выпуклости” этих свойств только на фоне другой сопоставляемой культуры, можно смело говорить о значительно большей степени выраженности монохронной системы времени в Германии по сравнению с Россией.

Обратите внимание на работу продавца в немецком магазине, в том числе в крупном супермаркете, переполненном людьми. Каждый продавец обслуживает в один отрезок времени только одного клиента и никогда не будет одновременно отвечать на вопросы или требования другого посетителя. Нетерпеливых русских покупателей, стремящихся срочно получить информацию и товар, быстро рассчитаться и при этом задать множество вопросов продавцу-консультанту, часто раздражает подобное поведение сотрудников. Это вполне объяснимо, поскольку русская культура, без сомнения, тяготеет к полихронному способу деления времени и поэтому русские охотно переключаются с одного дела на другое, спокойно относятся к тому, что их прерывают. Немцев же просто сбивает с толку то, что во время их разговора с русским партнёром, тот часто отвлекается и занимается одновременно другими делами. В этом смысле русские как представители полихронной системы более мобильны и проявляют большую гибкость в решении вопросов.

Приоритет монохронного или полихронного использования времени вторгается также и в область межличностных отношений. Отрицательная реакция на вмешательство и помехи в служебной деятельности, представление об изолированности личной сферы, являются незыблемыми устоями немецкой жизни. Это распространяется и на восприятие личной собственности, рассматриваемой как часть личного пространства, уважаемого и неприкосновенного для

немцев. Отсюда вытекают также многие правила немецкого дискурса, например табуированность тем о зарплате, доходах, состоянии здоровья, семейном положении и детях. Само собой разумеющимся считается, что коллеги по работе не знают и не празднуют дат рождения друг друга, не занимают денег и не одалживают других вещей. С точки зрения русской перспективы, человеческие отношения приносятся в жертву линейной организации времени (напомним, что монохронному времени соответствует представление о нём как о линейной системе), принципами которой являются экономное расходование времени, концентрация внимания и личностная обособленность. В связи с этим, немецкие коллеги редко приглашают своих иностранных партнёров к себе домой, предпочитая совместный ужин в одном из ресторанов. Это часто обижает русских, живущих совсем по другим нормам и традициям. Для России всегда было характерно тесное переплетение личной и служебной жизни. Дружеские контакты, родственные связи имеют большое значение для русского мира.

Различия в поведении русских и немцев по темпоральному фактору связаны не только с микро-перспективой (полихронность / монохронность). Свой отпечаток на коммуникацию накладывает и макро-перспектива временной ориентации (направленность на прошлое, настоящее, будущее). В этом плане считается, что Россия более, чем Германия, ориентирована на прошлое. Подтверждением тому может служить русская реклама, в которой преобладают ценности дореволюционной России и бывшего СССР. Качество товара, его название вызывает больше доверия у населения, если оно коррелирует со старым добрым прошлым: “Кофейня на паях”, “Конфеты Коркунов”, “Наша марка “Красный Октябрь”, “Качество не моей мануфактуры” и т.д. В журнале “Реклама – ваш капитал” отмечается, что “большинство россиян больше любят доброе и консервативное, чем агрессивное и прогрессивное” [12]. В связи с этим, не случайным представляется также, что при выборе музыки и слов нового гимна для России, решение было принято в пользу старого варианта, вызывающего, по мнению политиков, положительные ассоциации у русских, бывших советских людей.

Немецкая культура, очевидно делая большой упор на традиции и истории, тем не менее, может рассматриваться по сравнению с русской как культура менее направленная на прошлое (по сравнению с США Германия, как и все западноевропейские страны, воспринимается как общество, ориентированное на прошлое).

На формирование национального коммуникативного стиля, а, значит, и на характер русско-немецкой коммуникации оказывает также влияние фактор, определяемый американским антропологом Э. Холлом как контекстность культуры. Напомним, что под контекстом понимается как объём информации, окружающий деятельность человека и способы обмена данной информацией, так и роль неязыкового контекста в коммуникации. Между культурно обусловленными категориями “время” и “ориентация на контекст” существует очевидная взаимосвязь. Общества с полихронным отношением ко времени чаще всего высококонтекстны, общества с монокронной системой времени - преобладающе низкоконтекстны. Поскольку немецкая культура считается одной из самых низкоконтекстных культур, а русская, по мнению многих авторов, тяготеет к культурам с высоким контекстом (особенно, если принимать во внимание её соотношение с немецкой), это, несомненно отражается в специфике коммуникативного стиля представителей данных культур и часто осложняет межкультурное общение.

Индивидуалистские тенденции, преобладание монокронного типа деления времени в немецкой культуре по сравнению с русской проявляются в недостаточности неформального информационного обмена между немецкими коммуникантами и в слабой зависимости интеракции от контекста. Большая часть информации передаётся знаковым кодом (словесно), а не через контекст сообщения. Коннотации, “чтение между строк” не играют значительной роли в немецком общении.

Приоритетным для немецкого дискурса является *прямой, эксплицитный коммуникативный стиль*. В этом смысле русская пословица “Что на уме, то и на языке” имеет позитивный характер в условиях немецкой реальности. Своё намерение немец, как правило, выражает ясно и открыто, не предполагая, что оно будет понято из ситуации общения. Представляется, что не случайно немецкий фразеологический оборот “mit j-m deutsch reden” имеет значение “говорить без обиняков, напрямик”, а его вариация “auf gut deutsch” служит синонимом выражению “просто, прямо, недвусмысленно”. В одном из стихотворений Гёте читаем: „Drum sagt man ihnen deutsch ins Gesicht“. Смысл данной идиомы – “говорить правду в лицо”, а слово deutsch понимается здесь как ясный, чёткий, открытый, дополнительный оттенок – “чистосердечно”, “без прикрас или лжи”. С этим связана знамени-

тая цитата из “Фауста” Гёте*: “Лжёт речь немецкая, когда она учтивая” [13, 187]. Можно предположить, что эксплицитность как норма немецкой коммуникативной культуры имеет давнюю традицию, найдя своё отражение в немецкой фразеологии и литературе.

Итак, содержательный аспект (*что сказать*) ценится выше, чем поддержание межличностных отношений. Эмоциям и чувствам придаётся мало значения; доминируют достоверность, логика и аргументация высказывания, фактические знания и риторические способности партнёров по коммуникации. В первую очередь, в расчёт принимается дело, а не эмоции и гармоничность взаимоотношений. Даже жёсткая критика произносится прямо, без предварительных разговоров и намёков.

Прямой открытый стиль коммуникации, принятый среди немцев, означает также, что всё услышанное ими воспринимается дословно. Особенно это относится к выражению согласия и принятию приглашений в деловой и приватной сферах. В Германии не принято говорить “да” только для того, чтобы не обидеть, например, коллегу, зная заранее, что приглашение не будет принято. Ложное обещание расценивается как ненадёжность и несерьёзность партнёра, который говорит не то, что думает, а делает не то, что говорит. Кроме того, подобное поведение всегда вызывает недоумение, поскольку ясный отказ считается вполне приемлемым и, по крайней мере, честным [см. 7, 53,54].

Корректность и вежливость общения в русском варианте имеет мало общего с пониманием таковых с точки зрения немецкой нормативно-ценностной системы.

Категорическое причисление России к полихронным высококонтекстным культурам вряд ли оправдано без масштабных экспериментальных исследований, однако имеющийся эмпирический материал обнаруживает большое количество признаков, свидетельствующих о том, что русскую культуру на фоне немецкой можно назвать высококонтекстной. Коллективистские тенденции русской культуры обуславливают высокую информационную обеспеченность всех участников коммуникативного процесса. В России традиционно велика роль неформального общения, которое считается более эффективным, чем официальное [см. 15, 215]. Максимум значения придаётся личным взаимоотношениям, устные договорённости предпочитают письменным. Для русских деловых контактов важно

* „Im Deutschen lügt man, wenn man höflich ist“: Немецко-русский фразеологический словарь. 1975, с.123-124.

начальное знакомство и его дружеское развитие. Русский коммуникативный стиль характеризуется меньшей степенью эксплицитности, но большей “затекстовой” нагруженностью [11,349], использованием в общении намёков, пресуппозиций, игры слов. Анализируя особенности русского языка, отечественные лингвисты отмечают, что: “в русском языке гораздо богаче, чем во многих других, поле неопределённости” [14, 23]. Речь идёт прежде всего о неопределённых местоимениях на *-то, -нибудь, кое-, некий, некто*. Зависимость русской коммуникации от контекста на вербальном уровне проявляется также в расплывчатости и неконкретности речи, избытии некатегоричных форм высказывания, слов типа: может быть, вероятно, возможно, как бы.

Подведем некоторые итоги. Разная контекстность культур обуславливает разницу стилей коммуникации. В Германии доминирует *прямой, точный, лично-ориентированный, рациональный стиль* общения [6, 25]. Русский коммуникативный стиль характеризуется как интуитивный, статусно-ориентированный, (термины по 4, 115), отмеченный такими качествами как общительность, контактность, искренность [15, 203-210].

Учитывая данные различия в коммуникативных стилях русских и немцев, можно понять причины или источники конфликтных ситуаций в деловом и повседневном общении между представителями этих культур.

Успешные контакты между ними возможны, как представляется, только при условии осознания тех ценностей и установок, которыми руководствуются обе стороны, для того чтобы находить взаимоприемлемые варианты поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Clyne, Michael (1995). *The German language in a Changing Europe*. Cambridge University Press.
2. Frenkin, A.: *Die Deutschen aus russischer Sicht*. Mitschka Verlag. Leinfelden-Echterdingen, 1995.
3. Gorski, M. : *Gebrauchsanweisung fuer Deutschland*: Piper Muenchen- Zuerich, 2002.
4. Gudykunst, W. (Hrsg.): *Intercultural Communication Theory. Current Perspectives*. Newbury Park 1988.
5. Hofstede, G.: *Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management*. Muenchen 2001.
6. Kartari, A.: *Deutsch-tuerkische Kommunikation am Arbeitsplatz. Zur interkulturellen Kommunikation zwischen tuerkischen Mitarbeitern und*

deutschen Vorgesetzten in einem deutschen Industriebetrieb. Muenchner Beitrage zur Interkulturellen Kommunikation.- Waxmann, 1997.

7. Markowsky, R./Thomas, A.: *Studienhalber in Deutschland: interkulturelles Orientierungstraining fuer amerikanische Studenten, Schueler und Praktikanten.*- Heidelberg: Asanger, 1995.

8. Moosmueller, A. *Learning Objective Intercultural Competence. Decoding German Everyday Knowledge from a Japanese Perspective.* – In: Jensen et.al. (Eds.) *Intercultural Competence. A New Challenge for Language Teachers and Trainers in Europe.* – Aalborg: University Press, 1995.-S. 191-208.

9. Roth, J.: *Wir und die Anderen: Deutsch-russische Kommunikation im Postsozialismus/ In: Ehlich E./Scheiter S.: Interkulturelle Kommunikation analysieren. Bedingungen, Ziele, Verfahren.* Muenchner Beitrage zur Interkulturellen Kommunikation. Bd. 9 (1998).

10. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики/ Пер. с англ. А.Д. Шмелёва.- М.: Языки славянской культуры, 2001.

11. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография.- Волгоград: Перемена, 2002.

12. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация.- М.: Эдиториал УРСС, 2003.

13. Межкультурная коммуникация: учебное пособие. – Нижний Новгород, 2001.

14. Падучева Е. В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание.- М.: Русские словари, 1997.- С.5-32.

15. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.

16. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж, 2003.

17. Шаповалов В.Ф. Россияведение: Учебн. пособие для вузов.- М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.